

НЕДЕЛЯ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович.
Фото Виктора Ахломова.

КОНЦЕРТ-СОБЫТИЕ

Дмитрий БЛАГОЙ

стаковича (или наоборот, если хотите).

Невольно думалось, сколь же близкими, родственными оказываются в конце концов вершинные проявления человеческого гения!

Итак, перед нами новое произведение Д. Шостаковича. Семь романсов на слова А. Блока для голоса, скрипки, виолончели и фортепиано, как и многие предшествующие сочинения композитора, отмечены той законченностью, что сама уже есть совершенство, той лаконичностью высказывания, точностью отбора средств (ни одной лишней черты!), которая есть высшая простота — «красота истины». Цикл романсов можно было бы рассматривать как повествование, если бы каждый из его частей не была сама по себе столь лирически волнующей; его можно было бы назвать сюитой «стихотворений в музыке», если бы не драматургическое единство, сообщающее и этому, быть может, одному из наиболее камерных сочинений Шостаковича истинно симфоническую глубину и размах.

Первые три романса-части — «Песня Офелии», «Гамаюн — птица вещая», «Мы были вместе» — три дуэта человеческого голоса поочередно с виолончелью, фортепиано, скрипкой. Каждый из них открывает новые грани блоковской поэзии (хотя цикл написан на ранние стихи поэта, однако, по существу, в нем отражены все главные мотивы его предреволюционного творчества). Новая фаза развития — объединение всех компонентов звучания в торжественно-скорбном и вместе умиротворенном хорале («Город спит»). А какую драматическую силу обрели вроде бы столь «испытанные», но в данном случае, право же, совершенно заново найденные приемы звукового воплощения бури в следующем романсе! О последних двух частях цикла («Тайные знаки» и «Музыка») писать, пожалуй, особенно трудно. К этому моменту столь нарастает внутреннее напряжение музыки, что как-то теряешь контроль над сознательным ее восприятием, все заслоняет магия звучащих

чувств, скорби, мечты...

Как же достигнуто такое напряжение? Ведь, кажется, композитор от романса к романсу лишь переходил и переводил нас от одного душевного состояния к другому. Но в решительный, решающий момент (как часто это бывает у Шостаковича!) внезапно обнаруживаешь, что это не просто смена состояний, а витки до времени скрытой, но неуклонно ведущей ввысь спирали. «Скидывание покровов» с нее — кульминация цикла, «низвержение» с ее высоты (в блоковском цикле оно особенно ощутимо в конце «Бури») вызывает эмоциональную развязку (но не разрядку) — почти безотчетное упоминание стихией музыкальной выразительности.

Великолепным было исполнение нового цикла Шостаковича четырьмя первокласснейшими музыкантами — Галиной Вишневской в сопровождении Д. Ойстраха, М. Ростроповича, М. Вайнберга. О концерте замечательной советской певицы, где ею (в чутком фортепианном сопровождении М. Ростроповича) были исполнены еще два цикла: «Пять стихотворений А. Ахматовой», С. Прокофьева и «Сатиры» на слова Саши Черного, музыка Д. Шостаковича (сколь широким предстает диапазон творчества Шостаковича в обоих прозвучавших циклах, посвященных Г. Вишневской!) можно было бы написать отдельную статью. Здесь хочу подчеркнуть, что особенно наглядно проявилось в этот вечер рождение вместе с новой музыкой новых, специфических требований к человеческому голосу и вокальному искусству в целом, тех новых черт, что с таким блеском реализованы были в мастерстве Галины Вишневской, находившей порой поражающие неожиданно, но неизменно неотразимые в своей убедительности художественно-звуковые решения для разных по настроению и стилю шедевров советской вокальной музыки.

...Есть у музыкантов и завсегдатаев концертных вечеров традиция: хранить программы особенно взволновавших их концертов — как бы «вещественные доказательства» пережитых впечатлений. Уверен, что программа этого концерта останется в таких коллекциях, как одна из самых драгоценных.

ВОКАЛЬНЫЕ циклы Бетховена и Шуберта, Шумана и Малера — не правда ли, трудно вообразить сейчас первое исполнение этих словно бы извечно на радость людям существующих сочинений, представить присутствовавших на таких концертах-событиях слушателей? Но вот пройдут годы, и мы, те, кто слышал премьеры произведений Дмитрия Шостаковича, в том числе самой недавней — вокального цикла на слова Александра Блока, будем казаться потомкам столь же счастливыми избранныками. Впрочем, заранее оговорюсь: никогда, вероятно, композиторы прошлых времен не могли мечтать о таком первом исполнении своих сочинений, о таком восприятии их одновременно тысячами благоговейно внимающих слушателей.

Блок и Шостакович. Этой встречи я ждал с волнением. Больше того, признаюсь, было даже немного страшно. Ведь каждый из них оставил собственный, неизгладимый след в моей жизни; каждый — неслучайно дорог и близок...

И вот впереди — встреча обоих художников... Будет ли органичным синтез их столь неповторимых художественных индивидуальностей?

Теперь, по прослушивании цикла (дважды, ибо энтузиазм публики вызвал повторение его на «бис»), можно лишь улыбнуться наивности подобных сомнений и опасений. Да и с первых тактов было ясно: чудо свершилось. Стихи Блока стали музыкой Шо-